

**СОВЕТСКОЕ
ГОСУДАРСТВО
И ПРАВО**

1 9 5 6

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

П 22.
155а

а

С О В Е Т С К О Е
Г О С У Д А Р С Т В О
И П Р А В О

ОРГАН ИНСТИТУТА ПРАВА ИМЕНИ А. Я. ВЫШИНСКОГО АКАДЕМИИ НАУК СССР

10

ПРАВОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ Г. В. ПЛЕХАНОВА

(К 100-летию со дня рождения)

Кандидат юридических наук

Е. А. СКРИПИЛЕВ

Советская общественность широко отмечает знаменательную дату — столетие со дня рождения великого сына русского народа, пионера марксизма в России, одного из основателей русской социал-демократии, крупного деятеля международного социалистического движения Георгия Валентиновича Плеханова. Революционная деятельность и теоретические труды Г. В. Плеханова сделали его имя широко известным не только в Советском Союзе, но и далеко за его пределами. Г. В. Плеханов много сделал для пропаганды марксизма в России в тот период, когда в ней еще не было социал-демократического движения. В некрологе на смерть Г. В. Плеханова М. И. Калинин писал, что его произведение «открывали новый мир рабочему классу, они звали его на борьбу за лучшее будущее, они учили в ясной, простой, для всех доступной форме основам марксизма, несокрушимою верою в конечную победу идеалов рабочего класса они воспитали уверенность, что все препятствия и трудности по пути к этим идеалам будут легко сметены организованным пролетариатом.

Чем являлся Н. Г. Чернышевский для русских разночинцев шестидесятых годов, тем же служил и Георгий Валентинович для рабочего класса нашего поколения... Он много послужил рабочему классу, он вложил глубокий, неисчерпимый оптимизм в сознательные массы рабочего класса нашего поколения»¹.

Длительное время в пропагандистской и учебной литературе не уделялось должного внимания наследию Г. В. Плеханова. Больше того, во многих случаях его заслуги огульно отрицались на том основании, что в последний период своей деятельности (1903—1918 гг.) Г. В. Плеханов перешел в лагерь меньшевиков. Вместо того, чтобы показать то положительное, что содержалось в трудах Г. В. Плеханова, внимание читателей акцентировалось на его ошибках.

Образцом правильного отношения к Г. В. Плеханову, объективной и всесторонней оценки его теоретической и политической деятельности должен служить пример великого Ленина. Общеизвестно, какую длительную борьбу вели большевики во главе с В. И. Лениным против меньшевистских ошибок Г. В. Плеханова. Вместе с тем В. И. Ленин высоко ценил его борьбу против философских и социологических воззрений народничества, против международного ревизионизма и отмечал заслуги Г. В. Плеханова в пропаганде и популяризации научного социализма в России. В. И. Ленин называл сочинение Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба» первым *profession de foi* русского социализма². В 1914 г. В. И. Ленин писал о Г. В. Плеханове: «Его личные заслуги громадны в прошлом. За 20 лет, 1883—1903, он дал массу превосходных

¹ «Известия Петроградского городского Общественного управления» от 12 июня (30 мая) 1918 г.

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 4, с. 264.

сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников»³. В 1921 г. В. И. Ленин указывал: «...Уместным мне кажется заметить для молодых членов партии, что *нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма». И далее: «Кстати, нельзя не пожелать, во-1-х, чтобы выходящее теперь в свет издание сочинений Плеханова выделило все статьи по философии в особый том или особые томы с подробнейшим указателем и проч. Ибо это должно войти в серию обязательных учебников коммунизма. Во-2-х, рабочему государству, по-моему, следует требовать от профессоров философии, чтобы они знали изложение марксистской философии Плехановым и умели передать учащимся это знание»⁴.

Партийная печать призывает сейчас к серьезному изучению богатейшего плехановского теоретического наследия⁵. Для советских юристов наибольший интерес представляют государственно-правовые взгляды Г. В. Плеханова⁶ и особенно правовые воззрения, так как эта сторона его творчества осталась совершенно не исследованной. Что касается взглядов Г. В. Плеханова на государство, то они исследованы довольно обстоятельно.

Известно, что даже в марксистский период своей деятельности Г. В. Плеханов почти не пропагандировал того положения, что государство есть орган классового господства для подавления угнетенных классов общества. При объяснении причин возникновения государства он придавал решающее значение не классовым противоречиям, а непосредственному влиянию нужд общественно-производительного процесса⁷. Впоследствии Г. В. Плеханов стал отстаивать ту точку зрения, будто государство является надклассовой организацией, органом сотрудничества классов. В своем труде «История русской общественной мысли» Г. В. Плеханов утверждал, что русское государство возникло раньше классов, оно собирало Русь, создавало сословные и общественные отношения, подчиняло себе экономическое развитие. Г. В. Плеханов считал, что русское самодержавие закрепостило не только крестьян, но и дворянство.

Причину ошибок Г. В. Плеханова в вопросе о государстве некоторые советские авторы усматривали, с одной стороны, в пережитках народнических иллюзий о надклассовости государства, с другой стороны, в общей эволюции политических и теоретических взглядов Г. В. Плеханова⁸. На наш взгляд, следует, кроме этого, учитывать и еще одно обстоятельство. В ряде своих произведений Маркс и Энгельс указывали, что основным условием существования абсолютной монархии является равновесие сил между дворянством и буржуазией, а основным условием бонапартизма — равновесие между буржуазией и пролетариатом. В условиях такого равновесия классовых сил государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними⁹. Действительная правительственная власть как в абсолютной, так и в бонапартистской монархии на-

³ В. И. Ленин, Соч., т. 20, с. 333.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 32, с. 73.

⁵ См. «За творческую разработку истории КПСС» («Коммунист», 1956, № 10, с. 19).

⁶ Сравнительно подробный анализ политической деятельности и идейного наследия Г. В. Плеханова, характеристика его философских, политических, экономических и других воззрений, а равным образом ошибок и неточностей, допущенных Г. В. Плехановым в указанных областях, содержится в книге В. А. Фоминой «Философские взгляды Г. В. Плеханова» (Госполитиздат, М., 1955), в статье «Г. В. Плеханов», опубликованной в БСЭ, изд. 2, т. 33, с. 247—253 и в учебнике «История политических учений», под ред. С. Ф. Кекебяна и Г. И. Федькина, Госюриздат, М., 1955, с. 620—625.

⁷ См. Г. В. Плеханов, Соч., т. VIII, с. 252.

⁸ См. В. А. Фомина, Философские взгляды Г. В. Плеханова, с. 205.

⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. II, Госполитиздат, М., 1955, с. 304.

ходится в руках офицерской и чиновничьей касты. Самостоятельность этой касты, которая кажется стоящей вне и, так сказать, над обществом, придает государству видимость самостоятельности по отношению к обществу¹⁰. Характеризуя абсолютизм и бонапартизм, В. И. Ленин также говорил об известной самостоятельности правительства в условиях равновесия сил враждебных или соперничающих классов¹¹. Ошибка Г. В. Плеханова состояла, в частности, в том, что он временную самостоятельность абсолютистской государственной власти, характерную и для царской России, ее роль кажущейся посредницы по отношению к борющимся классам принимал за сущность государства. Серьезный характер носили отступления Г. В. Плеханова от марксистской теории и по вопросу о диктатуре пролетариата, за что его подвергал резкой критике В. И. Ленин.

Памятуя об этих ошибках Г. В. Плеханова, мы в то же время должны обратить внимание на сильные стороны его общественно-политических взглядов. Было бы непростительным забыть то, что с именем Г. В. Плеханова связано возникновение марксистской правовой мысли в России. Г. В. Плеханов был прекрасным истолкователем и популяризатором положений Маркса и Энгельса в области права, непримиримо боролся против идеалистических теорий права, блестяще защищал материалистическое понимание сущности и роли права. Естественно поэтому, что и в современной обстановке Г. В. Плеханов является надежным союзником тех прогрессивных правоведов мира, которые выступают против идеализма в правовой науке.

* * *

Самым важным в правовых воззрениях Г. В. Плеханова является учение о том, как возникло право и какова его роль в жизни общества.

Для выдающегося марксиста Г. В. Плеханова проблемы происхождения и сущности права, оказавшиеся неразрешимыми для буржуазных социологов и юристов, решались просто и логично. Он многократно подчеркивал, что экономические отношения в обществе служат основанием для всех других отношений, для всех явлений политической жизни, для умственного и нравственного склада людей. Г. В. Плеханов, без устали разъясняя русскому читателю смысл знаменитого предисловия Маркса к работе «К критике политической экономии», доказывал, что правовые учреждения есть продукт общественных отношений в процессе производства, что существует причинная зависимость правовых норм от способа производства. Правовые понятия людей зависят от их взаимных отношений в общественном процессе производства. Многие буржуазные авторы искали объяснения общественно-экономических явлений в правовых учреждениях, в законодательстве данной страны и т. д. Истина же заключается в другом: хотя правовые учреждения оказывают влияние на экономическую жизнь общества, но сами-то они порождены этой жизнью. «...Не организация производства определяется юридическими нормами, а юридические нормы определяются организацией производства»¹². Право обуславливается экономикой и не может иметь самостоятельного существования. Вместе с тем право оказывает влияние на экономические отношения¹³.

Развитие права никоим образом не является следствием развития общественной правовой идеи, правовых понятий, как полагали Гегель и его последователи. Не существует права и правовых понятий вне человеческого общества. Анархисты, замечает Г. В. Плеханов, рассуждают о правах индивидуума, забывая, что право есть норма, для установления которой

¹⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, 1935, с. 52—53.

¹¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 6, с. 144; т. 18, с. 314—315.

¹² Г. В. Плеханов, Соч., т. II, с. 290.

¹³ См. Г. В. Плеханов, Соч., т. VIII, с. 181—182.

необходима наличность известного отношения между людьми, т. е. необходима наличность по меньшей мере двух индивидуумов. Пока Робинзон оставался один на своем острове, не было никакой надобности в правовых нормах¹⁴.

Стройно и убедительно излагает Г. В. Плеханов вопрос о том, как возникают юридические нормы. Всякая юридическая норма представляет собой отмену или видоизменение какой-нибудь старой нормы или какого-нибудь старого обычая. Почему же отменяются старые обычаи? Потому что они перестают соответствовать новым «условиям». Новые «условия» — это новые фактические отношения, в которые люди становятся друг к другу в общественном процессе производства. Но так как производительные силы растут лишь постепенно, то и новые фактические отношения людей в общественном процессе производства растут постепенно. Поэтому лишь постепенно растет и стеснительность старых норм или обычаев, а следовательно, и потребность в придании соответствующего юридического выражения новым фактическим (экономическим) отношениям людей¹⁵. Так, сперва происходят фактические изменения, а затем уже возникают новые юридические нормы. Ход рассуждений Г. В. Плеханова таков: «Если старые юридические нормы препятствуют известной части общества достигать своих житейских целей, удовлетворять свои насущные нужды, то эта часть общества непременно и чрезвычайно легко придет к сознанию их стеснительности: для этого нужно немного больше мудрости, чем для сознания того, что неудобно носить слишком узкую обувь или чересчур тяжелое оружие»¹⁶.

Г. В. Плеханов подчеркивает, что от сознания стеснительности данной юридической нормы еще далеко до сознательного стремления к ее отмене. Первоначально люди пытаются просто обходить ее в каждом частном случае. Это положение он иллюстрирует примером разложения больших крестьянских семейств в России под влиянием капитализма. Веками существовали на Руси большие крестьянские семьи. Сложилась старая семейные обычаи, обычное семейное право. Нормами этого обычного права предписывалось всякий доход отдельного члена семьи передавать, так сказать, «в общий котел». Но вот зарождается капитализм. Появились новые источники заработка, неодинаковые для различных членов семьи. Поначалу счастливицы хитрили, скрывая от большаков часть заработанных денег, обходя, следовательно, старую юридическую форму. Эти счастливицы, конечно, не так скоро решились восстать против старого обычая. «Но новый экономический порядок постепенно укреплялся, старый семейный быт все более и более расшатывался; члены семьи, заинтересованные в его отмене, все выше и выше поднимали голову; разделы все учащались, и наконец, старый обычай исчезал, уступая место новому обычаю, вызванному новыми условиями, новыми фактическими отношениями, новой экономикой общества»¹⁷.

Г. В. Плеханов отмечает, что сознательное стремление людей к отмене старых учреждений и к установлению нового юридического порядка может быть в одних случаях развито сильно, а в других слабо. «Рост сознания людьми своего положения обыкновенно более или менее отстает от роста новых фактических отношений, изменяющих это положение. Но сознание все-таки идет за фактическими отношениями. Где слабо сознательное стремление людей к отмене старых учреждений и к установлению нового юридического порядка, там этот новый порядок не вполне подготовлен общественной экономикой»¹⁸. Правильность этих высказываний Г. В. Плеханова станет еще более очевидной, если сопоставить их с извест-

¹⁴ См. Г. В. Плеханов, Соч., т. XV, с. 150.

¹⁵ См. Г. В. Плеханов, Соч., т. VIII, с. 260.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Г. В. Плеханов, Соч., т. VIII, с. 260—261.

¹⁸ Там же, с. 261.

ными указаниями В. И. Ленина¹⁹. Так, разъясняя классовый буржуазный смысл требования «свободы промышленности», В. И. Ленин писал, что это требование «означает всегда несоответствие между юридическими нормами (отражающими производственные отношения, отжившие уже свой век) и *новыми производственными отношениями*, которые развились вопреки старым нормам, выросли из них и требуют их отмены»²⁰.

Г. В. Плеханов указывает, что при объяснении истории права необходимо принимать во внимание состояние общественного сознания. В истории права надо постоянно отличать форму от содержания. Право есть продукт сознания, а поэтому оно с формальной стороны, подобно всем другим идеологиям, испытывает на себе влияние всех или, по крайней мере, некоторой части других идеологий: религиозных верований, философских понятий т. д.²¹. То обстоятельство, что с формальной стороны право испытывает на себе влияние других идеологий, до известной степени затрудняет открытие зависимости, существующей между правовыми понятиями людей и их взаимными отношениями в процессе производства. Эту трудность не смог преодолеть даже и такой автор, как М. М. Ковалевский, который в своем труде «Закон и обычай на Кавказе» часто рассматривает право как продукт религиозных взглядов.

Г. В. Плеханов советовал М. М. Ковалевскому взглянуть и на религиозные верования, и на правовые учреждения кавказских народов как на продукт их общественных отношений в процессе производства, и, выяснив влияние одной идеологии на другую, постараться найти единственную причину этого влияния. При таком способе исследования была бы установлена причинная зависимость правовых норм от способов производства. С формальной стороны религия влияет на право, но отнюдь не порождает его, на чем ошибочно настаивал не один только М. М. Ковалевский. Вывод Г. В. Плеханова о том, что общественное сознание или общественная психология не может вызывать и не вызывает к существованию те интересы, которые право защищает, что не сознание людей определяет содержание права, является очень важным для выяснения сущности права. Однако в своих рассуждениях Г. В. Плеханов идет дальше. Указав, что состоянием общественного сознания определяется та форма, которую примет в человеческих умах отражение данного интереса, он подчеркивает другую трудность, вставшую перед людьми, когда они попытались выработать истинные взгляды на происхождение правовых учреждений. Эта трудность заключается в том, что на различных стадиях общественного развития всякая данная идеология в очень неодинаковой степени испытывает на себе влияние других идеологий. С формальной стороны древнее египетское и отчасти римское право было подчинено религии. В новейшей истории право развивалось под сильным влиянием философии. Влияние на право религии было устранено и заменено влиянием философии в результате длительной и острой борьбы. Благодаря этой борьбе правовые учреждения казались явным и несомненным продуктом борьбы отвлеченных понятий. В действительности же борьба философии против религии была лишь идеальным отражением общественной борьбы третьего сословия с духовенством²².

Интересные суждения о праве Г. В. Плеханов высказывает в связи с разъяснением своего тезиса о том, что право есть продукт сознания. Он

¹⁹ См. С. Н. Братусь, Некоторые вопросы теории права в произведениях В. И. Ленина («Советское государство и право», 1954, № 1, с. 17—33).

²⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 2, с. 421.

²¹ См. Г. В. Плеханов, Соч., т. VIII, с. 264. Это положение можно понять в том смысле, что право тождественно идеологии. Однако оно представляется неточным. В советской правовой литературе вопрос решается следующим образом. Не право само по себе, а правосознание есть одна из форм общественного сознания. Правовые отношения, являясь идеологическими отношениями, в то же время отнюдь не представляют сами по себе формы общественного сознания.

²² См. Г. В. Плеханов, Соч., т. VIII, с. 264—265.

пишет: «Всякая норма положительного права защищает известный интерес. Откуда берутся интересы? Представляют ли они собою продукт человеческой воли и человеческого сознания? Нет, они создаются экономическими отношениями людей. Раз возникнув, интересы так или иначе отражаются в *сознании* людей. Чтобы защищать известный интерес, нужно сознать его. Поэтому всякую систему положительного права можно и должно рассматривать, как продукт сознания»²³. В примечании Г. В. Плеханов цитирует Н. М. Коркунова, который пишет: «Право не есть, подобно так называемым физическим, природным силам, нечто, существующее помимо действий человека... Напротив, это порядок, установленный людьми для себя. Подчиняется ли в своей деятельности человек закону причинности, или действует свободно, произвольно, — в данном вопросе это безразлично. Как бы то ни было, право по закону причинности и по закону свободы все же создается не помимо, а, напротив, не иначе как через деятельность человека, через его посредство». Отметив справедливость этой мысли, хотя она и очень плохо выражена, Г. В. Плеханов замечает, что Н. М. Коркунов забыл прибавить, что интересы, защищаемые правом, не «создаются людьми для себя, а определяются их взаимными отношениями в общественном процессе производства»²⁴.

Критикуя анархистов, стремившихся к обществу «без законов», противоположавших договор закону, Г. В. Плеханов остроумно замечает: «Давно уже сказано: „Всеу законы писать, ежели их не исполнять“. С таким же правом можно сказать: „всеу *договоры* заключать, если нет таких *законов*, которые обеспечивают их исполнение“. В этом случае их исполнение зависело бы от благоусмотрения, т. е. стало бы, *также и от каприза* каждого из договорившихся. Но экономическая жизнь общества не может быть поставлена в зависимость от каприза»²⁵. С этой мыслью Г. В. Плеханова связана и другая его мысль, а именно: институты, имеющие целью нормировать отношения, возникающие между людьми, нуждаются в определенной гарантии со стороны общества. «Право определяют ведь как *совокупность предписаний и правил поведения, к соблюдению которых позволительно обязывать человека внешним или физическим принуждением*»²⁶.

Недостаточность этого определения права не требует особых доказательств. У Г. В. Плеханова речь идет о гарантиях со стороны «общества», а не государства как организации господствующего в данном обществе класса. Существенным недочетом приведенной выше формулировки Г. В. Плеханова надо признать отсутствие указания на классово-волевой характер права. Маркс, Энгельс и Ленин не раз указывали на эту сторону права²⁷. Нельзя сказать, чтобы Г. В. Плеханов совершенно не касался проблемы воли в праве, но он ограничился лишь областью договорных отношений в гражданском праве. В целом же указанная проблема не получила в его работах развития. Этот изъян в правовых взглядах Г. В. Плеханова является следствием его ошибочных представлений о государстве. Забвение им марксистских положений о неразрывной связи государства и права, о классово-волевом характере права проявилось, между прочим, и в его высказываниях о сущности конституций.

Г. В. Плеханов находит прекрасным выражение Лассаля, что всякая конституция соответствует реальным, фактическим отношениям сил, существующим в стране, и что конституции не составляют исключительной особенности новейшего времени. Новейшее время характеризуется лишь

²³ Г. В. Плеханов, Соч., т. VIII, с. 263—264.

²⁴ Г. В. Плеханов, Соч., т. VIII, с. 264.

²⁵ Г. В. Плеханов, Соч., т. XVI, с. 11.

²⁶ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, с. 374.

²⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. I, Госполитиздат, М., 1955, с. 24; В. И. Ленин, Соч., т. 25, с. 72.

тем, что существующие теперь отношения силы заносятся на бумагу, выражаются в писаных конституциях, между тем как прежде в этом не видели надобности²⁸. Писаная конституция будет хорошей и прочной, когда она соответствует действительной конституции, т. е. существующим в стране реальным отношениям сил. В другом месте Г. В. Плеханов говорит, что всякая данная конституция есть не что иное, как юридическое выражение фактического соотношения сил, существующего в данной стране. Эта конституция может устареть, а потому и плохо выражать это соотношение. Она может также быть неверным выражением действительного соотношения сил с самого своего появления²⁹. Достоинства и недостатки определений конституции, данных Лассалем, а вслед за ним Г. В. Плехановым, легко обнаруживаются при их сопоставлении с высказываниями по этому вопросу классиков марксизма-ленинизма. Энгельс подчеркивал, что конституции являются результатами классовой борьбы, что они устанавливаются победившим классом после одержанной победы³⁰. В. И. Ленин также отмечал: «Сущность конституции в том, что основные законы государства вообще и законы, касающиеся избирательного права в представительные учреждения, их компетенции и пр., выражают действительное соотношение сил в классовой борьбе»³¹.

* * *

В работах Г. В. Плеханова содержится много ценных указаний и по различным проблемам истории права, отдельных отраслей права и правовой науки. Он касается ряда вопросов египетского, вавилонского, древне-индийского, римского, феодального (особенно русского) и буржуазного права.

Опираясь на «Капитал» Маркса, Г. В. Плеханов характеризует западноевропейское законодательство XVI—XVIII вв. о «бродягах и нищих», в частности английские законы 1530 и 1547 гг., французский ордонанс 1777 г., согласно которому всякий здоровый мужчина присуждался к каторжным работам, если не имел определенной профессии и средств существования. Он касается также аналогичных по своему содержанию статей Карла V для Нидерландов (1537 г.), плаката Соединенных провинций (1649 г.) и т. д.³²

В числе источников русского феодального права, анализировавшихся Г. В. Плехановым, можно найти «Русскую Правду», «Договорные грамоты» XVI в., «Уложение царя Алексея Михайловича», «Свод законов Российской Империи» и др. Отрицая разделение русского общества на классы, историк М. П. Погодин ссылаясь на «Русскую Правду», которая назначает одинаковую пеню за убийство русина, т. е. варяга, и славянина. Г. В. Плеханов показывает неубедительность этой ссылки. Он подчеркивает, что размеры виры, т. е. денежной пени в пользу князя за убийство, были неодинаковы. Не было одинаковым и головничество, т. е. вознаграждение в пользу родственников убитого. Так, за убийство княжеского мужа «Русская Правда» назначала 80 гривен кун, а за убийство свободного крестьянина — 5 гривен. Если это неравенство прав не имеет под собой племенной основы, т. е. если за убийство княжеского мужа взывается одинаковая вира и одинаковое головничество, независимо от того, варяг он или славянин, то очевидно, что оно опирается на неравенство экономическое, представляет собой результат разделения общества того времени на классы. Г. В. Плеханов делает вывод: «...Русская Правда явилась юри-

²⁸ См. Г. В. Плеханов, Соч., т. IV, с. 47.

²⁹ См. Г. В. Плеханов, Соч., т. XV, с. 102—103.

³⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, Госполитиздат, М., 1953, с. 422.

³¹ В. И. Ленин, Соч., т. 15, с. 308.

³² См. Г. В. Плеханов, Соч., т. XXI, с. 131—132.

дическим Уложением такого общества, которое *уже разделилось на классы*»³³.

Для того чтобы показать, каким глубоким был анализ Г. В. Плехановым историко-правовых памятников, достаточно сослаться хотя бы на следующий пример. Рассматривая «Декларацию прав человека и гражданина» 1789 г., Г. В. Плеханов пишет, что в числе закрепленных ею прав было много таких, которые прямо совпадали с интересами низшего класса населения³⁴. Этим совершенно правильным положением руководствовались и советские историки государства и права. Однако в истолковании отдельных статей «Декларации прав человека и гражданина» авторами учебников и монографий допускались некоторые пробелы. Это касается, в первую очередь, ст. 17.

Г. В. Плеханов не ограничился одной лишь констатацией того, что Декларация провозгласила право человека на собственность, но и показал, как понимал его парижский санкюлот, у которого собственности ровно никакой не было, и как французская беднота пыталась им воспользоваться. По отношению к «черни» право человека на собственность было горькой насмешкой. И вот санкюлоты, жившие тогда из рук вон плохо, часто голодавшие, решили пощипать имущество буржуазии, обнаружив полную бесцеремонность по отношению к нему. Буржуазия защищалась, как могла. Эта социальная борьба отразилась на политической жизни. Имея в виду период господства якобинцев, Г. В. Плеханов пишет: «„Чернь“ сплачивается в особую партию и выносит на своих плечах монпаньяров. В то время „чернь“ умела постоять за себя и скоро достигла господства»³⁵. Восторжествовавшей на время «черни» оставалось, по-видимому, лишь воспользоваться своей политической властью и создать такие социальные учреждения, благодаря которым можно было бы реализовать право на собственность.

Для тогдашнего, как и для современного, пролетариата это возможно было только при условии полного уничтожения частной собственности на средства производства и организации производства на общественных началах. Но это было совершенно немыслимо тогда по двум тесно связанным причинам: ни сам пролетариат не был достаточно развит для этого, ни тогдашние средства производства не удовлетворяли элементарнейшим требованиям общественной его организации. Поэтому и мысль о нем не приходила в голову ни тогдашней «черни», ни ее образованным представителям. Коммунистические утопии, еще до революции существовавшие во французской литературе, по тем же причинам не отличались состоятельностью и никого не могли увлечь за собой³⁶.

У социальных низов, добившихся на время господства, не было возможности установить общественное производство. Следовательно, частная собственность по необходимости должна была существовать. В области этой частной собственности голодающий народ совершал случайные насильственные вторжения. Все буржуазные историки, отмечает Г. В. Плеханов, до сих пор продолжают поносить голодающий народ за такие вторжения, упрекают его в «беззаконии» и т. д. Г. В. Плеханов прекрасно объясняет, в силу каких объективных причин монпаньяры не могли склониться к республике «свободной, законной и милостивой», почему они вынуждены были прибегнуть к террору. Прежде всего Г. В. Плеханов отмечает, что сама буржуазия «порядочно-таки пощипала имущества дворянства и духовенства», что «и она не давала спуску своим врагам и не отступала в решительные минуты перед решительными мерами». Эти замечания заметно ослабляют тезис многих французских историков о том, что будто буржуазия стремилась во время французской революции к «законности». Но

³³ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIII, с. 90.

³⁴ См. Г. В. Плеханов, Соч., т. IV, с. 61.

³⁵ Там же, с. 62.

³⁶ См. там же.

Г. В. Плеханов и не ставит своей задачей подробно говорить об этой стороне дела. Он лишь мимоходом отмечает нарушения «законности» буржуазией и готов согласиться с теми буржуазными авторами, которые говорят, что буржуазия в целом действовала на почве законности. Однако стремление буржуазии к «законности» отнюдь не является ее врожденным качеством. Ее дело стояло тогда так прочно, что ему не могли в сущности повредить никакие противники. Добившись господства в эпоху своей «славной революции» 1789 г., буржуазия без больших усилий учредила нужный ей общественный порядок и придала ему такую прочность, что самые заклятые реакционеры едва ли могли серьезно задумываться о его уничтожении, а если бы и попытались уничтожить его, то увидели бы, что это невозможно. При таких условиях хорошо было буржуазии говорить о «законности». Когда ее дело оказалось выигранным, а дело ее врагов проиграно навсегда, когда «законным» порядком стал выгодный для нее порядок, тогда ей незачем стало прибегать к беззаконному способу действий, ибо она имела все основания думать, что закон вполне оградит все ее преимущества. Буржуазия стремилась к законности в политике, потому что историческое развитие совершенно обеспечило ее торжество в экономике³⁷.

Почему французские пролетарии в эпоху революции прибегали к «беззаконию»? Борьба между пролетариатом и имущим классом по роковой необходимости должна была принять террористический характер. Только террором пролетариат мог отстаивать свое господство в условиях, полных неразрешимых экономических противоречий. Если бы пролетариат обладал тогда большею развитостью, если бы в экономической жизни существовали условия, необходимые для обеспечения его благосостояния, то ему не было бы никакой надобности прибегать к террористическим мерам. Будь французский пролетариат на месте буржуазии, т. е. добейся он торжества в экономике, он тоже действовал бы «по закону». «Что представители „черни“, монтаньяры, в принципе не менее жирондистов стояли за свободу и законность,— доказывает выработанная ими конституция, самая *свободная* из всех, когда-либо написанных во Франции»³⁸.

Какой же характер в конечном счете носила французская республика, установившаяся в ходе революции? Г. В. Плеханов отвечает на этот вопрос следующим образом: «...При насильственных вторжениях в область частной собственности республика не могла быть „законной“, потому что закон обещал охранять частную собственность. Не могла быть она и „милостивой“, потому что ведь имущие слои общества не сидели сложа руки при таком обращении с их имуществом: они усердно искали удобного случая положить предел господству бесцеремонной „черни“»³⁹.

То, что было сказано Г. В. Плехановым о Декларации прав человека и гражданина, о монтаньярах и якобинском терроре, о якобинской конституции 1793 г. и т. д., является важным вкладом в марксистскую историографию французской буржуазной революции 1789—1794 гг. К сожалению, плехановские оценки этой революции в целом и отдельных ее этапов не получили должного освещения и учета в специальной литературе⁴⁰.

Можно без преувеличения сказать, что в произведениях Г. В. Плеханова каждый юрист, в какой бы области правовых наук он ни работал, почерпнет немало поучительных идей и ценных высказываний. Цивилисты найдут у него ряд характеристик гражданского права и отдельных его институтов. В частности, он определяет гражданское право как совокуп-

³⁷ См. Г. В. Плеханов, Соч., т. IV, с. 63.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, с. 62.

⁴⁰ Не является в этом смысле исключением и крупная работа «Французская буржуазная революция 1789—1794», под ред. В. П. Волгина и Е. В. Тарле, АН СССР, М.—Л., 1941.

ность юридических институтов, имеющих целью регулировать правовые отношения, возникающие между людьми в области их частных интересов, т. е. поскольку они рассматриваются как частные лица»⁴¹. Он уделяет много внимания фабричному законодательству, возникновение которого ставится им в прямую зависимость от развития капиталистической промышленности. Касаясь семьи и семейного права, он постоянно подчеркивает зависимость истории семьи от истории экономических отношений. Моногамная семья обязана своим возникновением развитию частной собственности и разрушению первобытной собственности. В ряде случаев Г. В. Плеханов касается тех или других проблем уголовного права, чаще всего в связи с разоблачением царского «правосудия», подвергает политическому и юридическому анализу ряд законодательных актов царского правительства.

Во многих случаях Г. В. Плеханов не исследовал самостоятельно те или другие исторические и историко-правовые источники, а опирался на достижения современной ему исторической и юридической науки. При этом следует отметить необычайную для неюриста начитанность Г. В. Плеханова в области юридической литературы, его обширное знакомство с лучшими и новейшими по тем временам сочинениями юристов, особенно историков права.

Резко критикуя различных авторов за то, что их работы были написаны с позиции идеализма, Г. В. Плеханов умел в то же время находить в них ценные сведения, обращая внимание на попытки систематизации и научного объяснения этих сведений. Г. В. Плеханов отдавал должное тем буржуазным авторам, которые в своих трудах обнаруживали стихийное влечение к «экономическому материализму», к диалектическому методу, ценил их верные суждения, наблюдения и выводы по ряду вопросов, давал материалистическое истолкование новым материалам и историческим источникам, вводимым в научный оборот этими авторами⁴². Такой подход Г. В. Плеханова вполне согласуется с требованием, выдвинутым позже В. И. Лениным, который писал, что исторические заслуги ценятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового по сравнению со своими предшественниками⁴³.

Вместе с тем Г. В. Плеханов резко критиковал реакционные устремления ряда буржуазных юристов. В обоснование той мысли, что именно пролетариат, борющийся за свое освобождение от ига капитала, является носителем человеческого прогресса и более доступен для чувства гуманности, чем буржуазия, Г. В. Плеханов приводит такой аргумент: «Собравшись в Копенгагене, социал-демократы всех стран единогласно высказались против смертной казни. И в то же самое время съехавшиеся в Данциге немецкие юристы нашли нужным отстаивать эту казнь, а некоторые из них высказались за ее распространение на преступления так называемой государственной измены. Это совсем неудивительно со стороны теоретиков буржуазии: ведь известно, что в среде юристов раздаются теперь толки о необходимости возвращения к розгам, плетям и палкам. Но это очень поучительно, как материал для сравнения»⁴⁴.

Г. В. Плеханов дал непревзойденный во всей мировой литературе, после Маркса⁴⁵, анализ положений исторической школы права. Ценность этого анализа для советских юристов тем более значительна, что формально Г. В. Плеханов делает его в связи со взглядами Н. Кареева на эту школу. Н. Кареев в своей статье «Экономический материализм в истории»

⁴¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, с. 373.

⁴² См., например, «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. IV, Соцэкгиз, М., 1937, с. 262; Г. В. Плеханов, Соч., т. VIII, с. 263 и др.

⁴³ См. В. И. Ленин, Соч., т. 2, с. 166.

⁴⁴ Г. В. Плеханов, Соч., т. XVI, с. 354.

⁴⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, с. 85—92.

неправильно толкует выводы, к которым пришла немецкая историческая школа, появившаяся в Германии в начале XIX в.

Известно, что представители исторической школы, как это правильно говорит и Н. Кареев, начали рассматривать право не как неподвижную систему юридических норм, какою оно представлялось прежним юристам, а как нечто движущееся, изменяющееся, развивающееся. По мнению Н. Кареева, «историческое воззрение никогда не допускало существования научных истин, применяемых ко всем временам, — т. е. того, что на языке новой науки носит название общих законов, — и даже прямо отрицало эти законы, а с ними и общую теорию права...» Г. В. Плеханов пишет, что в этих строках очень много неправильностей, против которых воспротестовали бы представители и сторонники исторической школы права. Когда Н. Кареев приписывает им отрицание «того, что на языке науки носит название общих законов», то они могли бы сказать, что он: а) или умышленно искажает их взгляд; б) или путается в понятиях, смешивая те «законы», которые подлежат ведению истории и права, с теми, которыми определяется историческое развитие народов. «...Существования законов этого последнего порядка никогда не думала отрицать историческая школа права, — писал Г. В. Плеханов, — она именно старалась найти такие законы, хотя ее усилия и не увенчались успехом»⁴⁶. В дальнейшем Г. В. Плеханов излагает причину неудачи исторической школы права, находя эту причину чрезвычайно поучительной.

Рассматривая взгляды исторической школы права в лице ее виднейших представителей — Савиньи и Пухты, отмечая сильные и слабые ее стороны, Г. В. Плеханов попутно развивает материалистическое воззрение по вопросу о происхождении и сущности права. Рассмотрение и критика идеалистических построений исторической школы права понадобились Г. В. Плеханову для того, чтобы нагляднее представить и разъяснить материалистическую концепцию права. При этом Г. В. Плеханов никоим образом не впадает в односторонность при оценке взглядов этой школы. Оставляя в стороне практические стремления исторической школы права, он дает исчерпывающую характеристику ее теоретических построений. Эта школа представляла собой реакцию против распространенного в XVIII в. взгляда, будто право создается произволом отдельных лиц. Она резко восстала против склонности объяснять историю права действием «законодателя», пыталась найти научное объяснение истории права, понять эту историю как необходимый, а потому законосообразный процесс⁴⁷. Но она сделала попытку объяснить этот процесс, исходя из идеалистической точки зрения. «Народный дух», «народное сознание» есть последняя инстанция, к которой апеллировала историческая школа права.

* * *

В рамках журнальной статьи немислимо изложить сколько-нибудь полно правовые воззрения Г. В. Плеханова. Нет сомнения в том, что советские правоведы уже в недалеком будущем, на основе внимательного изучения большого и интересного литературного наследства Г. В. Плеханова, напишут не только статьи, но и монографии, в которых воздадут должное этому выдающемуся русскому марксисту, сделавшему так много для марксистской теории и истории права.

⁴⁶ Г. В. Плеханов, Соч., т. VII, с. 174.

⁴⁷ См. там же, с. 174, 175.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Передовая</i> — Конституция СССР и дальнейшее укрепление социалистической законности	3
Вооруженная агрессия против Египта — грубейшее нарушение международного права	10
Канд. юрид. наук <i>Е. А. Скрипилев</i> — Правовые воззрения Г. В. Плеханова (К 100-летию со дня рождения)	17
Доктор юрид. наук <i>В. Н. Дурденевский</i> — Концессия и конвенция морского Суэцкого канала в прошлом и настоящем	28
Канд. юрид. наук <i>П. Г. Семенов</i> — Категория непреодолимой силы в советском праве	38
<i>А. М. Яковлев</i> — Совокупность преступлений, повторность и рецидив по советскому уголовному праву	48
Канд. юрид. наук <i>В. Н. Струнников</i> — Критика буржуазного государства и права русскими революционными демократами XIX в.	55

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Директор Московского ордена Ленина пищевого комбината им. Микояна <i>Б. И. Георгиевский</i> , зав. юрид. бюро комбината <i>Я. А. Корф</i> — За дальнейшее расширение прав директоров предприятий	66
Канд. юрид. наук <i>А. А. Пушкин</i> (Харьков) — Юридическая личность промышленного предприятия, треста, комбината	76

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Доктор юрид. наук <i>Л. Я. Гинцбург</i> — К вопросу о хозяйственном праве	84
Профессор <i>С. С. Кравчук</i> — Государственно-правовые отношения в Советском социалистическом государстве	95

ОБЗОРЫ СУДЕБНОЙ И АРБИТРАЖНОЙ ПРАКТИКИ

Канд. юрид. наук <i>С. С. Каринский</i> — Судебная практика по делам о материальной ответственности рабочих и служащих	106
Канд. юрид. наук <i>Х. Б. Шейнин</i> — Гражданский иск в уголовном деле	112

СООБЩЕНИЯ

Канд. ист. наук <i>В. И. Самойлов</i> — О первых узниках Петропавловской крепости.	119
<i>С. Сербов</i> — Восьмая сессия Комиссии международного права	121

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>В. С.</i> — В защиту законных прав египетского народа	124
<i>Е. А. Рахманинова</i> — Расширение международных научных связей советских юристов в 1956 г.	125
<i>А. П.</i> — В Харьковском юридическом институте им. Л. М. Кагановича	127

РЕЦЕНЗИИ

Доктор юрид. наук <i>С. Н. Братусь</i> — Н. Г. Александров, Законность и правоотношения в советском обществе	130
Кандидаты юрид. наук <i>А. А. Абрамова, В. С. Андреев, А. Д. Зайкин, В. К. Миронов</i> — Е. Н. Коршунова, А. С. Краснопольский, Советское трудовое право и вопросы производительности труда (Очерки)	134
Канд. юрид. наук <i>А. И. Волков</i> — А. А. Рускол, Н. Г. Салищева, Правовое положение машинно-тракторной станции и характер ее договорных отношений с колхозами	136

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

<i>Л. В.</i> — На юридических конгрессах в Испании	141
Профессора <i>В. Н. Дурденевский, С. Б. Крылов</i> — «Французский ежегодник международного права»	143
<i>М. К.</i> — Хроника	145

БИБЛИОГРАФИЯ

Иностранная литература по гражданскому и трудовому праву за 1954—1956 гг.	147
От редакции	151